

А. И.
КУПРИН

Избранное

Александр Иванович Куприн

Бред

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2471735

Аннотация

«Рота капитана Маркова ехала на соединение с карательным отрядом. Усталые, раздраженные солдаты, утомленные длинным передвижением в неудобных вагонах, были молчаливы и пасмурны. На какой-то станции со странным, не по-русски звучащим названием их поили водкой и пивом какие-то люди в поддевках...»

Александр Иванович Куприн Бред

Рота капитана Маркова ехала на соединение с карательным отрядом. Усталые, раздраженные солдаты, утомленные длинным передвижением в неудобных вагонах, были молчаливы и пасмурны. На какой-то станции со странным, не по-русски звучащим названием их поили водкой и пивом какие-то люди в поддевках. Солдаты кричали «ура!», пели песни и плясали с каменным выражением лиц. Потом началось дело. Рота не могла обременять себя пленными, и потому всех подозрительных и даже просто беспаспортных людей, захваченных по дороге, немедленно расстреливали. Капитан Марков не ошибся в своем психологическом расчете: он знал, что постепенно нараставшая озлобленность солдат найдет некоторое удовлетворение в кровавых расправах над жителями.

Вечером 31 декабря рота остановилась на ночлег в полуразрушенной баронской ферме. До города оставалось пятнадцать верст, и капитан рассчитывал прийти туда завтра к трем часам. Он был уверен, что его роте завтра же придется принять участие в серьезном и продолжительном деле, и потому хотел, чтобы люди, размещенные в разных амбарах,

конторах и службах, хоть немного отдохнули, успокоились и подкрепились. Сам же он занял себе под спальню большую, гулкую, пустую залу с камином в готическом стиле и с постелью, которую отобрали у местного пастора.

Черная, беззвездная ночь с мокрым снегом и ветром незаметно и быстро надвинулась над фермой. Марков сидел один в огромной пустой комнате перед камином, в котором ярко пылали доски разломанного забора. Поставив ноги на каминную решетку и разложив на худых острых коленях карту генерального штаба – «зеленку». – он внимательно изучал глазами пространство между фермой и городом. При красном свете огня его лицо с высоким лбом, усами кольчичками и с упрямым, твердым подбородком казалось еще более суровым, чем всегда. Вошел фельдфебель. С его клеенчатого плаща бежала на пол дождевая вода. Постояв несколько секунд и убедившись, что капитан не обращает на него внимания, фельдфебель осторожно кашлянул.

– Это ты? – Капитан повернул назад голову. – Что?

– Все обстоит благополучно, ваше высокоблагородие. Третий взвод в наряде. Так что первое отделение у церковной ограды, а второе...

– Так. Дальше. Пропуск сообщен?

– Точно так, ваше высокоблагородие... Он помолчал немного, точно выжидая, но капитан тоже молчал, и солдат сказал тоном ниже:

– Как прикажете, выше высокоблагородие, с теми тремя,

которые...

– Расстрелять на рассвете! – резко оборвал Марков, не давая фельдфебелю договорить. – И потом... – он, прищурившись, поглядел на солдата, – чтобы я больше таких вопросов не слышал! Понимаешь?

– Слушаю, ваше высокоблагородие! – крикнул фельдфебель.

И опять они оба замолчали. Капитан лег одетый на постель, фельдфебель стоял у двери в тени. Но солдат почему-то медлил уходить.

– Все? – нетерпеливо спросил Марков, не поворачивая головы.

– Так точно, ваше высокоблагородие! Солдат переминался с ноги на ногу и вдруг решительно и настойчиво произнес:

– Ваше высокоблагородие... Так что солдаты спрашивают... Как прикажете с тем... который старик?..

– Вон! – закричал Марков на фельдфебеля и быстро, с гневным лицом выпрямился. Кажется, он готов был его ударить.

Фельдфебель тотчас же ловко, в два темпа, по-строевому, повернулся кругом и отворил дверь. Но на пороге он задержался на минутку и казенным голосом сказал:

– Так что, ваше высокоблагородие, имею честь поздравить с наступающим Новым годом. И желаем...

– Спасибо, братец, – сухо ответил Марков. – Не забудь распорядиться, чтобы люди тщательнее осмотрели винтов-

ки.

Оставшись один, Марков, не раздеваясь и не отстегивая шашки, бросился на кровать, лицом к камину. Лицо его сразу изменилось, точно постарело, коротко остриженная голова ушла в плечи, глаза потухли, полузакрылись с усталым, болезненным выражением. Марков уже целую неделю страдал мучительной лихорадкой и только благодаря усилиям воли переламывал болезнь. Никому в отряде не было известно, что по ночам он метался в жестоких пароксизмах, трясясь в ознобе, тяжело бредя, забываясь только на мгновения в уродливых, фантастических кошмарах.

Капитан лежал на спине, глядя, как перебегают синие огоньки в потухающем камине, и чувствуя, как к нему медленно подкрадывается, туманя голову и расслабляя тело, привычный приступ малярии. Мысли его странным образом были прикованы к пойманному утром старику, о котором только что докладывал фельдфебель. Марков рассудком догадывался, что фельдфебель прав: в старике действительно было что-то необыкновенное, какое-то величественное равнодушие к жизни, вместе с кротостью и глубокой печалью. Подобных людей, похожих – но в очень слабой степени – на этого старика, капитан видел там, под Ляояном и у Мукдена, среди безропотно умиравших рядовых солдат. Когда сегодня привели к Маркову этих трех человек и он объяснил им при помощи цинично-красноречивого жеста, что с ними будет поступлено, как со шпионами, то лица двух других сразу по-

бледнели и исказились смертельным ужасом, а старик только усмехнулся с каким-то странным выражением усталости, равнодушия и даже... даже будто бы тихого, снисходительного сострадания к самому начальнику карательной экспедиции. «Если он в самом деле мятежник, размышлял Марков, закрывая воспаленные глаза и чувствуя, как мимо его глаз плывет какая-то мягкая, бездонная тьма, – то, без сомнения, он занимает там важный пост, и я поступил очень благоразумно, приказав его расстрелять. Ну, а если старик ни в чем не виновен? Тем хуже для него. Не могу же я отрывать для присмотра за ним двух человек, в особенности ввиду завтрашнего. Наконец, почему же он должен избежать участи тех пятнадцати, которых мы оставили позади? Нет, это было бы несправедливостью по отношению к прежним». Капитан медленно открыл глаза и вдруг вскочил в смертельном страхе. Перед капитаном, на низкой скамейке, сидел, понурившись, опершись ладонями о колени, в спокойной и грустно-задумчивой позе, приговоренный к смертной казни старик.

Капитан не был трусом в общепринятом смысле, хотя и верил в сверхъестественное и носил на груди ладанку с какой-то косточкой. Отступить в страхе, даже перед самым таинственным, нематериальным явлением, капитан счел бы таким же позором, как бегство перед неприятелем или унижительную мольбу о пощаде. Выхватив быстрым, привычным движением револьвер из кожаного чехла, он взвел курок, на-

правил его дуло в голову незнакомца и закричал бешено:

– Если ты шевельнешься, черт тебя возьми!.. Старик медленно повернул голову. По его губам прошла та же самая улыбка, которая так врезалась капитану в память с сегодняшнего утра.

– Не тревожьтесь, капитан, я пришел к вам без дурного намерения, произнес старик. – Попробуйте хоть до утра воздержаться от убийства.

Голос у этого странного гостя был такой же загадочный, как и его улыбка, ровный, однотонный и как будто бы без всякого тембра. Давным-давно, еще в раннем детстве, Марков нередко слышал, оставаясь один в комнате, за свою спиною такие голоса, без цвета и выражения, зовущие его по имени. Повинуясь непонятному влиянию этой улыбки и этого голоса, офицер положил револьвер под подушку и опять прилег, опершись головой на локоть и не сводя глаз с темной фигуры незнакомца. Несколько минут в комнате была тяжелая, жуткая тишина: только походный хронометр Маркова торопливо отбивал секунды, да перегоревшие уголья в камине падали вниз со слабым, но звонким металлическим хрустеньем.

– Скажи мне, Марков, – начал наконец старик, – что ответишь ты не судьям, не начальству, даже не императору, а своей совести, если она у тебя спросит: зачем пошел ты на эту ужасную, несправедливую бойню?.. Марков насмешливо пожал плечами.

– Однако у тебя, старикашка, довольно непринужденный тон для человека, которого через четыре часа расстреляют у дерева. Впрочем, поговорим, пожалуй. Это все-таки занимательней, чем метаться без сна в лихорадке... Итак, что я отвечу своей совести? Я отвечу ей, во-первых, что я солдат и мое дело повиноваться без всяких размышлений. Во-вторых, я – природный русский, и пусть всему миру станет известным, что тот, кто осмелится восстать против могущества великой державы, будет раздавлен под ее пятою, как червь, и даже самая могила его сровняется с землей...

– О Марков, Марков, сколько дикой и кровожадной гордости в твоих словах, – возразил старик. – И сколько неправды! Ты смотришь на предмет, приблизив его к самым глазам, и видишь одни лишь мелкие его подробности, но отойди от него дальше, и он представится тебе в своем настоящем виде. Неужели ты думаешь, что твоя великая родина бессмертна? Но разве не то же самое говорили и думали когда-то персы, и македоняне, и гордый Рим, охвативший весь мир своими железными когтями, и дикие полчища гуннов, нахлынувших на Европу, и могущественная Испания, владевшая тремя частями света? Спроси у истории, куда девалась их необъятная власть? А я тебе скажу, что и до них, за тысячи веков, были великие государства, более сильные, гордые и культурные, чем твое отечество. Но жизнь, которая сильнее народов и древнее памятников, смела их со своего таинственного пути, не оставив от них ни следа, ни воспоминания.

– Это пустяки, – возразил слабеющим языком капитан, опускаясь на спину. – История идет своим течением, и не нам направлять ее или указывать ей дорогу. Старик беззвучно засмеялся.

– Не уподобляйся той африканской птице, которая прячет голову в песок, когда ее преследуют охотники... Верь мне, пройдет сто лет, и дети твоих детей будут стыдиться своего предка Александра Васильевича Маркова, палача и убийцы.

– Сильно сказано, старина! Да, и я слышал об этих бреднях восторженных мечтателей, которые собираются переделывать мечи на плуги... Ха-ха-ха!.. Воображаю себе это царство золотушных неврастеников и рахитических идиотов. Нет, только война выковывает атлетические тела и железные характеры. Впрочем... – Марков крепко потер виски, силясь что-то припомнить. Впрочем, это все не важно... О чем я хотел тебя спросить? Ах да! Почему-то мне кажется, что ты не будешь говорить неправды. Ты здешний?

– Нет, – покачал головой старик.

– Но все-таки ты родился здесь?

– Нет.

– Но все-таки ты – европеец? Француз? Англичанин? Русский? Немец?

– Нет, нет...

Марков в раздражении ударил кулаком о борт кровати.

– Да кто же ты наконец? И почему, черт возьми, мне так страшно знакомо твое лицо? Видались мы когда-нибудь с то-

бой?

Старик еще больше понурился и долго сидел, не говоря ни слова. Наконец он заговорил, точно в раздумье:

– Да, мы с тобой встречались, Марков, но ты никогда не видал меня. Вероятно, ты не помнишь или забыл, как во время чумы твой дядя повесил в одно утро пятьдесят девять человек? В этот день я был в двух шагах от него, но он не видел меня.

– Да... правда... пятьдесят девять... – прошептал Марков, чувствуя, как им овладевает нестерпимый жар. – Но это... были... мятежники...

– Я был очевидцем жестоких подвигов твоего отца под Севастополем и твоего деда после взятия Измаила, – продолжал своим беззвучным голосом старик. – На моих глазах пролилось столько крови, что ею можно было бы затопить весь земной шар. Я был с Наполеоном на полях Аустерлица, Фридланда, Иены и Бородина. Я видел чернь, которая рукоплескала Сансону, когда он показывал с подмостков гильотины окровавленную голову Людовика. При мне в ночь святого Варфоломея правоверные католики с молитвой на устах избивали жен и детей гугенотов. В толпе беснующихся фанатиков я созерцал, как святые отцы инквизиторы жгли на кострах еретиков, как во славу божию сдирали они с них кожу и как заливали им рот расплавленным свинцом. Я шел вслед за полчищем Аттилы, Чингис-хана и Солимана Великолепного, которые означали свой путь горами, сложенными

из человеческих черепов. Вместе с буйной римской толпой я присутствовал в цирке при том, как травили псами зашитых в звериные шкуры христиан и как в мраморных бассейнах кормили мурен телами пленных рабов... Я видел безумные кровавые оргии Нерона и слышал плач иудеев у разрушенных стен Иерусалима.

– Ты – кошмар... уйди... ты – бред моего больного воображения. Отойди от меня, – с трудом прошептал Марков запекшимися губами.

Старик поднялся со скамейки. Его сгорбленная фигура точно выросла в одно мгновение, так что волосы его головы касались потолка. И он опять заговорил медленно, однотонно и грозно:

– Я видел, как впервые пролилась кровь человека. Были на земле два брата. Один ласковый, нежный, трудолюбивый и сострадательный. Другой старший – был горд, жесток и завистлив. Однажды они оба приносили, по обычаю отцов, жертву своему богу: младший – плоды земные, а старший – мясо наловленных им зверей. Но старший питал в сердце злобу к своему брату, и дым от его жертвенника стлался по земле, между тем как дым от жертвенника младшего прямым столбом поднимался к небу. Тогда переполнилась душа старшего давнишней завистью и злобой. И произошло на земле первое убийство...

– Ах, отойди, оставь меня... ради бога, – шептал Марков, мечась по сбившейся простыне. Но старик продолжал свою

речь:

– Да, я видел, как его глаза расширились от ужаса смерти и как его скорченные пальцы судорожно царапали мокрый от крови песок. И когда он, вздрогнув в последний раз, вытянулся на земле, холодный, неподвижный и бледный, то нестерпимый страх овладел убийцей. Он бежал, пряча лицо свое, в лесную чащу и лежал там, дрожа всем телом, до самого вечера, до тех пор, пока не услышал голос разгневанного бога: «Каин, где брат твой Авель?» Уйди, не мучь меня! – с трудом шевелил губами Марков.

– Объятый трепетом, я отвечал господу: «Разве я сторож моему брату?» Тогда проклял меня господь вечным проклятием: «Оставайся в живых до тех пор, пока стоит созданный мною мир. Броди бездомным скитальцем во всех веках, на родах и странах, и пусть твои глаза ничего не видят, кроме пролитой тобою крови, и пусть твои уши ничего не слышат, кроме предсмертных стонов, в которых ты всегда будешь узнавать последний стон твоего брата».

Старик замолчал на минуту, и когда он заговорил, то каждое его слово падало на Маркова с тяжелой болью:

– О господи, справедлив и неумолим твой суд! Уже многие столетия и десятки столетий странствую я по земле, напрасно ожидая смерти. Высшая, беспощадная сила влечет меня туда, где умирают на полях сражений окровавленные, изуродованные люди, где плачут матери, произнося проклятия мне, первому братоубийце. И нет предела моим стра-

даниям, потому что каждый раз, когда я вижу истекающего кровью человека, я снова вижу моего брата, распростертого на земле и хватающего помертвелыми пальцами песок... И тщетно хочу я крикнуть людям: «Проснитесь! Проснитесь! Проснитесь!..» Проснитесь, ваше высокоблагородие, проснитесь! – твердил под ухом Маркова настойчивый голос фельдфебеля. – Телеграмма...

Капитан быстро поднялся на ноги, мгновенно овладев, по привычке, своей волей. Уголья в камине давно потухли, а в окно столовой уже глядел бледный свет занимающегося дня.

– А как же... те?.. – спросил Марков с дрожью в голосе.

– Так точно, ваше высокоблагородие. Только что...

– А старик? Старик?

– Тоже.

Капитан, точно сразу обессилев, опустился на кровать. Фельдфебель стоял около него навтыжку, ожидая приказаний.

– Вот что, братец. Ты примешь вместо меня команду, – заговорил Марков слабым голосом. – Я сегодня подаю рапорт, потому что я... что меня... совершенно измучила эта проклятая лихорадка... И может быть, – он попробовал усмехнуться, но улыбка у него вышла кривая, – может быть, мне придется скоро и совсем уйти на покой. Ничему не удивлявшийся фельдфебель, приложив руку к козырьку, ответил спокойно:

– Слушаю, ваше высокоблагородие.

1907